

Н. В. ГОГОЛЬ

А. Л. БЕМ

«Шинель» и «Бедные люди»*

1

Ближе всего сказалось на «Бедных людях» Достоевского влияние «Шинели» Гоголя. Это влияние легко обнаружить и в стиле, и в сюжете, и в отдельных композиционных частях.

Я ограничусь лишь несколькими примерами, не вдаваясь в тщательный анализ всех возможных сопоставлений, ибо есть степень и форма влияний, не требующая уже особых доказательств. Надо, конечно, прежде всего оговорить наличие общей установки «Бедных людей» на стиль гоголевской школы. Еще Д. Григорович¹ задолго до современных формалистов в своих воспоминаниях выдвинул этот довод в защиту молодого Достоевского.

Достоевского обвиняли, что в «Бедных людях» «чувствовалось на каждой странице влияние Гоголя», — говорит Григорович. «В последнем обвинении, — соглашается он, — если можно это считать обвинением молодому начинающему литератору, — была доля правды. Лицо старика Девушкина в “Бедных людях” невольно приводит на память чиновника Поприщина в “Записках сумасшедшего”²: сцена, когда дочь директора роняет платок и Поприщин, бросившись подымать его, скользит на паркете

---

* Доклад, прочитанный в первоначальном виде в Русском историческом обществе в Праге 20 дек. 1926 г. Напечатан в «Записках Русск. истор. общества в Праге», 1927 г., кн. I, с. 47–56 и отд. брошюрой под загл.: «Шинель» Гоголя и «Бедные люди» Достоевского. Пг. 1927 г. Печатается с незначительными изменениями и дополнениями, вызванными главным образом ознакомлением с работою Ю. Тынянова¹ «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» (Петр. 1921), с которою у меня оказалось много точек соприкосновения. Во время работы над настоящей темой работа Тынянова была мне неизвестна. Статья Тынянова вошла также в его книгу «Архаисты и новаторы». Л.: Прибой, 1929. С. 412–455.

и чуть не разбивает себе нос, напоминает сцену, когда у Девушкина, в присутствии начальника, отрывается пуговица, и он, растерявшись, старается поднять ее. Не только в приеме частого повторения одного и того же слова, но в постройке самих фраз, в их духе заметно проглядывает влияние Гоголя... Склад этих фраз, их дух, если можно так выразиться, часто встречаемый в первых произведениях Достоевского, не может служить ему большим упреком. Следовало бы тогда винить все тогдашнее литературное молодое поколение; все в одинаковой степени были увлечены Гоголем; почти всё, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя, преимущественно повести «Шинель». В последующих произведениях Достоевского не заметно уже тени подражания; он становится совершенно самостоятельным».

Но помимо этих общих черт гоголевской школы, в «Бедных людях» явно сказывается и непосредственное влияние повести «Шинель». Оно настолько бросается в глаза, что не имеет особого смысла на этом вопросе останавливаться подробнее. Я не придаю особого значения и тем сопоставлениям отдельных мест обоих произведений, которые легко сделать. Их доказательность, при наличии общей установки на гоголевскую манеру, относительна и всегда может быть оспариваема. Правда, в этих случаях — при общности сходных положений — в пользу непосредственного влияния говорят совпадения деталей. Я приведу только два примера, в которых с известной вероятностью можно говорить о непосредственном влиянии, но все же повторяю, что этим сближениям не следует придавать существенного значения в общей постановке вопроса о влиянии «Шинели» на первый роман Достоевского.

Акакий Акакиевич после посещения Петровича, решительно отказывающегося починить его старый капот, впал в состояние полной рассеянности. «Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошел в совершенно противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил все плечо ему, целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло? разве

нет тебе трухтуара?» Это заставило его оглянуться и повернуться домой»^{*}.

Достоевский в «Бедных людях» весьма близко стилистически и по смыслу передает чувство растерянности Макара Девушкина, идущего к ростовщику Маркову в надежде перехватить денег.

«Погрузился я в себя самого, — пишет Макар Алексеевич Вареньке, — и глядеть ни на что не хотелось: так уж, не разбирая дороги, пошел... Артель работников испачканных повстречалась со мною; затолкали меня мужичье!.. Я уж и себя тут не вспомнил, и ведь знал, что Маркова дом, а спросил-таки будочника — чей, дескать, это, братец, дом? Будочник такой грубиян, говорит нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цедит, да уж так, говорит, это Маркова дом. Будочники эти все такие нечувствительные, а что мне будочник?.. А тут другая беда: навязалась на меня дрянная, глупая собачонка дворная; лезет из кожи, заливаается! Так что я вошел в дом ни жив ни мертв, вошел да прямо еще на беду — не разглядел, что такое внизу впотьмах у порога, ступил, да и споткнулся об какую-то бабу, а баба молоко из подойника в кувшины цедила и все молоко пролила»^{**}.

В этих двух отрывках нетрудно заметить общность не только стиля, но и отдельных мотивов, при помощи которых передано чувство замешательства и растерянности героев двух повестей. Схема в обоих случаях одинакова, подставлены только иные компоненты, но все же родственные между собой. Будочник и там и здесь играет одинаково существенную роль, вместо гоголевского «трубочиста» у Достоевского введена «артель испачканных рабочих», вместо намеченного злключения с будочником, у которого Акакий Акакиевич чуть не выбил табакерку из рук, у Достоевского введена сцена с бабой, нацеживавшей молоко. На таком маленьком пространстве столько общих совпадений трудно объяснить случайностью и общностью положения.

Возьму еще другой случай.

Гоголь дает в «Шинели» описание черной лестницы петербургского дома, в котором жил Петрович. «Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надо отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, — взбираясь

^{*} Гоголя цитирую по XVI изд. под ред. Тихонравова. СПб. 1901. Ограничиваюсь дальше указанием тома и стр. 111, 98.

^{**} Бедные люди. I, 72–73.

по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов»^{*}.

Обратимся к сходному описанию черной лестницы у Достоевского.

«Зато уж про черную (лестницу), — пишет Макар Деушкин Вареньке, — и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стены такие жирные, что рука прилипает, когда на них опираешься. На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развешаны, окна повыбиты; лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями; запах дурной... одним словом... нехорошо»^{**}.

Пусть в этом случае общность некоторых деталей объясняется сходством описываемого явления, но эта общность давала простор для значительно большей самостоятельности описания, чем это сделал Достоевский.

Я бы не стал приводить мелочей, если бы не знал на опыте сравнительного изучения других произведений Достоевского, как он был внимателен к подобному рода мелочи. Именно эти мелочи давали Достоевскому случай неожиданного их использования и своеобразного дополнения. Я не настаиваю на их доказательности, но не могу отказать себе в праве их отметить в надежде, что при дальнейших работах в области изучения характера художественной восприимчивости Достоевского они займут свое надлежащее место. Отмечу в «Шинели» две детали, по-моему, запомнившиеся Достоевскому и им использованные в «Бедных людях».

Акакий Акакиевич приходит за содействием к значительному лицу, которое, для поднятия своего значения перед присутствующим приятелем своим, набрасывается на Акакия Акакиевича с необычайной строгостью. На несчастного Акакия Акакиевича это производит потрясающее впечатление; «в жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим». Непосредственной причиной болезни, а затем и смерти Акакия Акакиевича и была эта бессмысленная жестокость бюрократа-самодура. «Так сильно иногда бывает надлежащее распекание», — восклицает автор от себя. Это странное сочетание «надлежащее

* Шинель. III, 94.

** Бедные люди. I, 14.

распекание», повторенное Гоголем дважды* в случае, где оно не было ни распеканием, ибо налицо не было никакого проступка, ни «надлежащим», потому что оно не стояло ни в каком соответствии с поведением случайно подвернувшегося чиновника, дало повод Достоевскому устами Макара Деушкина сочинить своеобразную философию «распекания».

Что это обобщение вытекало непосредственно из «Шинели», свидетельствует то обстоятельство, что оно вложено в уста Макара Алексеевича в связи с чтением им этой повести Гоголя. Деушкин становится на защиту начальства, которое считает своим долгом распекать подчиненных. «Отчего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь», — и дальше идет упомянутая философия распекания: «А так как разные чины бывают и каждый чин требует совершенно соответственной по чину распеканции, то естественно, что после этого и тон распеканции выходит различный; это в порядке вещей! Да ведь на том и свет стоит, маточка, что все мы один перед другим тону задаем, что всяк из нас один другого распекает. Без этой предосторожности и свет бы не стоял, и порядка бы не было...»**

Наконец, сцена вызова Макара Алексеевича в кабинет к его превосходительству во многом близка к только что упомянутой сцене распекания Акакия Акакиевича. Если верна догадка Григоровича, что в этой сцене Достоевский использовал «Записки сумасшедшего» для передачи полного замешательства героя, сближая замешательство Поприщина, бросающегося поднимать оброненную дочь директора платок, с растерянностью Макара Алексеевича, когда у него оборвалась пуговица, то самая злополучная пуговица могла перейти по наследству от Акакия Акакиевича, после которого, как известно, остались «две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон».

Но именно эта сцена с его превосходительством является наиболее показательной для своеобразного характера воздействия Гоголя на Достоевского, которое если и можно назвать влиянием, то лишь в особом смысле. Если обычный род влияния можно условно назвать влиянием притягивания, то такого рода влияние можно бы назвать влиянием отталкивания.

---

* Шинель. III, 112 и 113.

** Бедные люди. I, 57. Впрочем, эта философия распекания сильно отдает рассуждениями Селифана из «Мертвых душ»: «Почему ж не посечь, коли за дело? на то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется; порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посечь». Мертвые души. V, 41.

2

В отличие от влияния Пушкина, которое было органичным и, как таковое, не тормозило индивидуальных художественных возможностей Достоевского, влияние Гоголя становилось на пути его литературного роста. Может быть, это обуславливалось отчасти большой близостью их психологических складов, на фоне которой резко сказывалось различие их основного мироощущения. Гоголю был присущ своеобразный талант «умерщвления личности», даже, если хотите, умерщвления жизни вообще. В его необычайных художественных обобщениях, изумляющих гениальной наблюдательностью автора, сохранено все до мельчайших подробностей, кроме живой души, кроме жизни. Мир Гоголя — театр марионеток, гениальный маскарад, вызывающий смех или слезы, но не сочувствие к его героям. Ему нужно для придания своим произведениям этико-эстетического разряда давать обобщенные сентенции, вроде знаменитого гуманного места в «Шинели». Эту противоположность Гоголя и Достоевского очень выпукло высказал уже Вяч. Иванов в своей известной статье «Роман-трагедия»: «Что касается Гоголя, мне представляются Достоевский и Гоголь полярно противоположными, — говорит Вяч. Иванов, — у одного лики без души, у другого — лики душ; у гоголевских героев души мертвые или какие-то атомы космических энергий, волшебные флюиды, — а у героев Достоевского души живые и живучие, иногда все же умирающие, но чаще воскрешающие или уже воскресшие; у того красочно-пестрый мир озарен внешним солнцем, у этого — тусклые сумерки обличают теплящиеся, под зыбкими обликами людей, очаги лихорадочно-горения сокровенной душевной жизни»^{*}.

И если Достоевский в молодости подпал под влияние Гоголя, то по мере своего духовного роста, когда в нем ярко выявился особый дар проникновения в душу человеческую, он должен был неизбежно столкнуться с Гоголем и оказаться в борьбе с ним. Эта борьба должна была прежде всего отразиться в его творчестве. Гоголь помог Достоевскому преодолеть сентиментально-романтическую струю его начального творчества, но вместе с тем он грозил превратить мир его художественных образов в фантастический маскарад.

В фельетоне 1861 г. «Петербургские сновидения в стихах и прозе» Достоевский сам намечает три периода в развитии своего творчества. Первый период, связанный с литературными влияни-

---

^{*} Сборн. «Борозды и межи». 1916. С. 17.

ями Карамзина и Шиллера, можно назвать сентиментально-романтическим. Он творчески ассоциирован в памяти Достоевского с «историей» Амалии-Нади, о которой он рассказал в этом фельетоне. На смену ему пришел период натурально-фантастический, который отражал литературные воздействия Гоголя и Гофмана. «Только что я сам обзавелся квартирой и смиренным местечком, самым, самым смиренным из всех местечек на свете, мне стали сниться какие-то другие сны... И вдруг, оставшись один, я об этом задумался. И стал разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы², а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и все хохотал!» Любопытно, что именно к этому времени приурочивает Достоевский замысел истории о «титулярном сердце, честном и чистом, нравственном и преданном начальству», и «какой-то девочке, оскорбленной и грустной». И далее кончает этот период Достоевский такими характерными словами: «И если бы собрать всю ту толпу, которая тогда мне приснилась, то вышел бы славный маскарад». И не случайно этот период Достоевский связывает только с одним художественным замыслом, относя все дальнейшие сюжеты (чиновник, возомнивший себя Гарибальди; история о Соловьеве) к третьему периоду, о котором он говорит так: «Теперь, теперь дело другое. Теперь мне снится, пожалуй, хоть и то же, но в других лицах, хотя и старые знакомые стучатся иногда в мою дверь»*. Этот третий период был психологически-философский, т. е. тот, в котором сказался подлинный дар Достоевского.

На пути к осознанию своего подлинного жанра Достоевский должен был посчитаться со своим великим предшественником и учителем, с «демоном русской литературы», как он его позже назвал**. Преодоление Гоголя — вот первый этап в развитии творчества Достоевского.

* Полн. собр соч. Изд. «Просвет», т. XXII, с. 184–184.

** Во «Времени» 1861 г. Достоевский писал о русской литературе: «Были у нас и демоны, настоящие демоны; их было два, и как мы любили их, как до сих пор их любим и ценим». Этими «демонами» русской литературы Достоевский считал Гоголя и Лермонтова. О первом он говорит: «Один из них все смеялся; он смеялся всю жизнь и над собой, и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха» (см. Критические статьи. Ряд статей о русской литературе. Из журнала «Время» за 1861 г. Вступление. Цит. по: «Дневн. писателя за 1873 г.». Изд. Ладжжикова, Берл. 1922. С. 34–35). См. также XIII, 50.

Что Достоевский не просто подражал Гоголю, что уже на первых шагах своей литературной деятельности он вступает с ним в столкновение, почувствовал еще в начале 50-х годов Ап. Григорьев. Но он под влиянием формулы «все действительное — разумно» не мог еще понять внутреннего смысла этой борьбы³. «Взгляните на Акакия Акакиевича с сентиментальной точки зрения, — говорит он, — проникнитесь в отношении к нему не общечеловеческим, правдивым сочувствием, а исключительною, болезненною симпатиею, пойдите, одним словом, против вечной мудрости природы, плачьте о том, что безобразие — безобразию, смешное — смешное, жалкое — только жалкое, — возведите на степень права требования героев “Записок сумасшедшего”, — и вот явились Макар Алексеевич Девушкин, господин Голядкин, господин Прохарчин, все эти герои зловонных, темных углов»*. Но уже Н. Н. Страхов вскоре после смерти Достоевского высказал мысль, что первые литературные выступления Достоевского заключали в себе «смелую и решительную поправку Гоголя, существенный, глубокий поворот в нашей литературе», и видел эту поправку в том, что Достоевским «беспочвенная ирония Гоголя» была осуждена как слишком жестокое, сухое отношение к людям»**.

Таким образом, полемический характер первых произведений Достоевского ощущался давно, но его смысл не был достаточно отчетливо вскрыт⁴.

---

* Григорьев Ап. Русская литература в 1851 г. Полн. собр. соч. / Под ред. В. Спиридонова Т. I. 1918. С. 128. Ср. также с. 151.

** «Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском», речь на торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 февр. 1881 г. См. Биография. СПб. 1883, отд. III, с. 62. На сходной точке зрения стоят и Л. Оболенский (ср. И. И. Замотин «Проблема жизни в творчестве Достоевского» в «Русск. фил. вестн.» 1917. № 1–2, с. 60) и А. И. Кирпичников (см. Н. В. Гоголь. Очерки. 2-е изд. 1903, с. 332). Тезис о борьбе Достоевского с Гоголем поддерживает и Юр. Тынянов, рассматривая ее как обычную форму смены литературных поколений (см. упом. раб., с. 6). Ср. также К. К. Истомина «Из жизни и творчества Достоевского в молодости» в сб. «Творческий путь Достоевского» под ред. Н. Бродского. Л., 1924. С. 19–20. Принципиальное значение для выдвинутой здесь проблемы имеет также книга М. М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Л.: Прибой, 1929. Наконец, должна быть еще упомянута глава «Гоголь и Достоевский» в последней книге Андр. Белого «Мастерство Гоголя». М., 1934. С. 285–291. В непосредственной связи с настоящей темой стоят и мои работы: «Преодоление Гоголя»; вышла по-итальянски: «Il superamento di Gogol (Per la comprensione delle prime opere del Dostojevskij)» в журнале «La Cultura». 1931. (Anno X, fasc. II, с. 151–170) и «Первые шаги Достоевского (Генезис романа “Бедные люди”» в журнале «Slavia». 1933. XII, кн. 1–2, с. 134–161.

Уже первое произведение Достоевского, его «Бедные люди», отразили на себе довольно ярко начало этой борьбы Достоевского с Гоголем, которая потом еще резче выявилась в «Двойнике».

Достоевский не побоялся взять у Гоголя основной мотив его «Шинели», чтобы на нем противопоставить свое восприятие мира гоголевскому. Ведь в основе обоих произведений лежит мотив пробуждения, воскресения к жизни приниженной и забитой человеческой души.

Для Гоголя, с его способностью подносить самый жуткий мотив в облачении своеобразного гротеска, на почве этого мотива вырос сюжет о шинели, обновительнице жизни. Такой сюжет, как ни склонен был Достоевский воспринимать жизнь с фантастической стороны, не мог ему прийти по душе. Он прежде всего «очеловечивает» сюжет, подставляет вместо «шинели» живое существо, на долю которого выпадает роль воскресителя жизни. «Шинель» перевернула нравственный мир Башмачкина. «С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли»^{*}.

Такая роль «шинели» в жизни человека должна была показаться оскорбительной Достоевскому. Не поднял Гоголь приниженного своего героя, на миг воскресив его новой шинелью, а еще больше унизил, растоптал его. В самом гоголевском замысле было что-то жестокое. Достоевский противопоставил этому замыслу свой и сразу «очеловечил», одухотворил его. Макар Алексеевич Девушкин тоже преображается от соприкосновения с жизнью, но в нем прежде всего пробуждается человеческое достоинство. Для такого преображения нужна не осуществившаяся мечта о шинели, а зарождение любви и привязанности к живому человеческому существу. Вместо «шинели» должна была явиться Варенька Доброселова. Сам Гоголь подсказывает Достоевскому эту мысль своим сравнением шинели с «приятной подругой жизни»^{**}. И тогда иными словами заговорит маленький человек. «Я знаю, чем я вам, голубчик вы мой, обязан! — пишет Девушкин Вареньке. — Узнав вас, я стал, во-первых, и самого

* «Шинель». III, 100.

** См. след. место: «С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель, на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» (Шинель. III, с. 100).

себя лучше знать, и вас стал любить; а до вас, ангельчик мой, я был одинок и как будто спал, а не жил на свете... а как вы мне явились, то вы всю мою жизнь осветили темную, так что и сердце и душа моя осветились, и я обрел душевный покой, и узнал, что и я не хуже других; что только так, не блещу ничем, лоску нет, тону нет, но все-таки я человек, что сердцем и мыслями я человек»*.

Недаром так огорчается Девушкин за своего собрата, когда читает «Шинель» Гоголя. Повесть эта вызывает в нем бурный отпор, он сам не ясно себе представляет, что в ней так оскорбительно для него, но всем своим существом отвергает такое изображение знакомой ему среды и людей. В этой своеобразной критической оценке гоголевской «Шинели» устами Девушкина, которую он дает дважды на протяжении романа, легко вскрыть сочувственные нотки к такой оценке и самого Достоевского**. Вместе с Девушкиным он отвергает беспредметное выявление одних мрачных, тяжелых сторон жизни, если за этим не стоит какой-нибудь идеи. «Как гражданин, — пишет обиженный Девушкин, — считаю себя, собственным сознанием моим, как имеющего свои недостатки, но вместе с тем и добродетели». Он негодует, что «кто-нибудь под самым носом твоим, безо всякой видимой причины, ни с того ни с сего, испечет тебе пашквиль». Не реализм описания его оскорбляет: ведь проливал же он слезы над историей «Станционного смотрителя», а именно это беспричинное обнажение жизни, жестокое выявление не правды жизни, а ее неправды: «прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пашквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!» — говорит Девушкин. Осуждает он вместе с Достоевским и стремление очернить во что бы то ни стало начальство. Разве непременно все «их превосходительства» так жестоки к своим подчиненным? Он предлагает свой конец повести, где бы и шинель Акакия Акакиевича отыскалась, и где бы «генерал, узнавши подробнее об его добродетелях, перепросил бы его в свою канцелярию, повысил бы

* Бедные люди. I. 78. Считаю долгом отметить, что мысль о замене «шине-ли» — Варенькой Доброселовой была, независимо от меня, высказана одним из участников работ пражского «Семинария по изучению Достоевского» Р. В. Плетневым.

** На это обращает внимание и Н. Н. Страхов в упомянутой статье (Биограф. III, 61–62). Бедные люди. I, 56–58.

чином и дал бы хороший оклад жалованья»*. Достоевский воспользовался советом Макара Девушкина: у него его превосходительство помогает своему жалкому, впадшему в последнюю степень нищеты подчиненному и спасает его от катастрофы.

Особенно задело Девушкина то место «Шинели», где Гоголь описывает, как Акакий Акакиевич старался уменьшить свои издержки, чтобы скопить денег на шинель. Башмачкин, по словам Гоголя, старался «ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок; как можно реже отдавать прачке мыть белье» и т. д.** Эти наблюдения приводят Девушкина в бешенство: «и они ходят, пашквиланты неприличные, да смотрят, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь али носочком одним; что-де вот у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапога голые пальцы торчат, что вот у него локти продраны — и потом там себе это все и описывают, и дрянь такую печатают...»***

И, наконец, чтобы не было сомнения в оценке повести Гоголя, Девушкин ее дает в таких ярких словах: «да ведь это злонамеренная книжка... Это просто неправдоподобно, потому что и случиться не может, чтобы был такой чиновник. Да ведь после такого надо жаловаться... формально жаловаться».

Не является ли и вся повесть «Бедные люди» такой «жалобой» против «Шинели» Гоголя?

Что это недовольство Гоголем было уже в это время не только подсознательным чувством у Достоевского, а осознано им, свидетельствует то обстоятельство, что он не остановился перед тем, чтобы приписать сочинителю Ратазяеву один из отрывков в «шуточно-показательном роде», явно пародирующий повесть Гоголя «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Девушкин пересылает Вареньке следующий образец сочинительства Ратазяева: «Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вот тот самый, что укусил за ногу Прокофия Ивановича. Иван Прокофьевич человек крутого характера, но зато редких добродетелей; напротив того, Прокофий Иванович чрезвычайно любят редьку с медом. Вот когда еще была с ним знакома Пелагея Антоновна... А вы знаете Пелагею Антоновну? Ну, вот та самая, которая всегда юбку надевает наизнанку».

---

* Бедные люди. I. 56–58.

** Шинель. III, 99–100.

*** Бедные люди. I, 64.

Роман «Бедные люди», таким образом, возник, по моему мнению, на основе «Шинели» Гоголя как своеобразная жалоба на бездушие натуральной школы. Так уже первое печатное произведение Достоевского ярко выявило его сущность как будущего создателя идейно-психологического романа.

